

Глава I

30 мая 1812 года, Дипхилл-Грин

Широкие плечи Роберта Ройлза заняли весь дверной проем старой пустующей кладовой, когда он замер, уставившись на обрывок веревки, вьющейся змейкой по грубому дощатому полу. Носком он подтолкнул ее истрепанный конец и немного прищурился, чтобы лучше рассмотреть его в полутьме.

— Ты что, заколдовала крыс и заставила их перегрызть веревку, Кэтрин? — спросил он, улыбаясь такой мысли.

Вопрос был встречен молчанием.

Его пятнадцатилетняя кузина была не по-женски изобретательна. И горящие огнем царапины у него на шее и груди были красноречивым подтверждением того, что недооценивать ее неблагоразумно.

— Прости, что я вернулся раньше, — продолжил он, не повышая голоса, как будто она стояла перед ним. — Папа с мамой уехали к Оутрэмам. Я пообещал им присмотреть за тобой, пока их не будет.

Ответа снова не последовало.

Упрямство кузины начало его раздражать. Он сжал губы.

— Мистер Оутрэм, разумеется, настоит на том, чтобы они задержались у него. Я не думаю, что мы увидим их до конца недели. Ты не согласна?

Тишина.

— Ну же, Кэтрин! Хватит дуться! — сжав кулаки, сказал он, стараясь, чтобы это не прозвучало грубо. — Неужто ты и правда решила, что матушка станет на твою сторону, когда узнает

о нас? Но худшее уже позади, теперь мы одни. Слуг я на сегодняшний вечер отпустил, так что, если ты дашь слово, что будешь хорошей девочкой, я тебя выпущу и ты вернешься в дом. Быть может, мягкий матрац смягчит твоё отношение ко мне, а?

Не услышав ответа, Роберт пожал плечами.

— Ну и ладно, — бросил он. — По-хорошему не получается — значит, будет по-плохому.

Неблагодарная соплячка все равно не заслуживала того, чтобы тратить на нее время. Да и, если честно, ему больше нравилось, когда она сопротивлялась. Он нагнул и взялся за конец веревки. Если девчонку связать, она станет поговорчивее. Возможно, прежде чем отнести ее в дом, стоит напомнить ей о том, какое низкое положение она занимает в семье. В его распоряжении было несколько дней на забавы со своей милашкой-кузиной, и он не собирался тратить попусту время.

Роберт потянул за веревку, но та подалась легко — девушка освободилась. Как ей это удалось, он не мог понять. Но железные кольца у нее на запястьях — совсем другое дело. Если слух его не обманул, в левом углу этого зловонного помещения что-то негромко звякнуло. Несчастная, наверное, спряталась в мусоре. Пожалуй, стоит ее окунуть в поилку для лошадей, прежде чем снова к ней прикоснуться. Сам-то он чистюлей не был, но его матушка еще четыре дня назад заперла непокорную приемную дочь в старом помещении, когда-то служившем семейной кладовой, и за время заключения она наверняка не стала чище.

Скручивая в руках веревку, он глубоко вздохнул, пытаясь сдерживать нарастающий гнев. Сейчас было не время поддаваться эмоциям и бросаться очертя голову в темноту. Но, к сожалению, он не был сдержанным человеком.

— Слушай, ну что ж мы никак поладить не можем, а? Если ты не будешь шуметь и сдашься без сопротивления, я сниму с тебя кандалы, обещаю, — вкрадчиво произнес Роберт. Разумеется, он лгал. За вызывающее поведение девчонку нужно было хорошенько наказать. Конечно, ее гордый нрав вызывал

восхищение, да только она совершенно забыла свое место. Но там, где его родители оказались бессильны, он намерен был одержать победу. Лишение упрямыцы девственности было первым шагом к ее укрощению.

— Ты, наверно, голодна. Зная свою матушку, могу предположить, что она тебя держала на хлебе и воде. Выходи на свет, я устрою тебе пир, достойный викария.

Полная тишина бесила. С пунцовым от сдерживаемой ярости лицом Роберт переступил порог, думая о том, сильно ли расстроятся родители, если он задушит свою несносную маленькую кузину после того, как наиграется с ее телом. Может быть, поэтому они и не взяли его с собой — хотели, чтобы девчонка исчезла. Насколько ему было известно, никто ее искать не будет.

— Я слышу, как ты дышишь, Кэтрин. Ты боишься? — насмешливо промолвил он, но мышцы его напряглись от предчувствия неминуемой схватки. — Хочешь поточить об меня свои коготки, кошечка?

Губы его не успели растянуться в улыбке, потому что в этот самый миг на его лицо с размаху опустилась деревянная лопата. Удар был такой силы, что он рухнул спиной на пол. Роберт был настолько поражен и оглушен, что не мог произнести ни слова. Он молча принялся елозить руками по деревянным половицам, пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Из тени выступила преисполненная суровой решимости Кэтрин.

— Зачем пускать в дело когти, если у меня под рукой имеется прочная лопата, которая вполне может сломать тебе нос?

Кэтрин размахнулась, и на этот раз лопата опустилась Роберту на голову. Глаза его закатились, и он лишился чувств. Кэтрин покачнулась, когда осознание сделанного пронеслось огнем по ее жилам. Скованными руками она оперлась на лопату, чтобы не потерять равновесия.

Она заметила на лице Роберта кровь. Первый удар действительно сломал ему нос. Кровавое пятно расплзлось и по его

светлым волосам в том месте, куда пришелся второй удар. Кэтрин почувствовала, как к горлу подступает тошнота, но она объяснила свою слабость голодом, а не жестокостью по отношению к своему родственнику. Роберт, который должен был заботиться о ней как любящий брат, заслуживал большего, чем хорошая затрещина по голове, но Кэтрин не собиралась здесь задерживаться, чтобы исполнить обязанности палача.

Подозревая, что он может только притворяться, что потерял сознание, она ткнула лопатой в его мягкий живот. Роберт не пошевелился. Опустившись на колени, Кэтрин отложила лопату, но недалеко, чтобы в случае чего она была под рукой. Позвякивая наручниками, она методично обследовала сюртук и жилет бесчувственного кузена в поисках ключа. Кэтрин подозревала, что он не собирался ее освободить, но ее братец был практичным человеком и наверняка убедил породившую его набожную ведьму отдать ему ключ.

Кэтрин первый раз улыбнулась, когда извлекла маленький ключик из кармашка жилета. Она наклонила голову и, закусив нижнюю губу, принялась сосредоточенно укладывать скованные руки так, чтобы ключ попал в замочную скважину на левом наручнике. Получилось — наручник открылся, и она переложила ключ в левую руку, чтобы освободить правую. Железные оковы с лязгом упали на пол, и только теперь она позволила надежде подать голос. Наконец-то она покинет этот дом и его жестоких и себялюбивых обитателей.

— Посмотрим, как тебе понравится сидеть в кандалах, любимый братец, — злорадно пробормотала она и перевернула его на живот.

Заведя его безвольные руки за спину, она застегнула на них те самые оковы, в которые мистер Ройлз заковал ее после того, как его жена выпорола ее хлыстом за соращение их сына.

Вообще-то мистер Ройлз не был связан с ней кровными узами. Кэтрин была известна история своего отнюдь не благородного появления на свет. Ее родители состояли в браке, но не друг с другом. Сама она была живым доказательством су-

пружеской неверности, и, как только ее мать разрешилась нежеланной незаконнорожденной дочерью, ее папаша заплатил мистеру Ройлзу, чтобы тот забрал ребенка себе. Впрочем, ей следовало сказать матери спасибо за то, что она не приказала свернуть новорожденной шею. Ведь у леди были другие дети, о которых нужно было заботиться, да и порочить свое доброе имя она не хотела. Случалось, люди убивали нежеланных детей и при куда более благоприятных обстоятельствах.

Соседям Ройлзы сказали, что Кэтрин их дочь, но ей миссис Ройлз несколько лет назад открыла правду о ее происхождении. Кэтрин Ройлз появилась на этот свет во грехе и большую часть своей пока еще недолгой жизни провела, расплачиваясь за порочность своих родителей.

И постепенно она начала презирать их за это.

Кэтрин поднялась на ноги и грубо подхватила кузена под мышки.

— Давай-ка, Роберт. Тебя ждут темнота и крысы. — Рыча от натуги, она поволокла брата по грязному полу. — Слуги найдут тебя раньше родителей. Впрочем, они тебя ненавидят не меньше моего, так что могут не услышать твоих сдавленных криков пару деньков.

Слуги предпочитали не вмешиваться в дела хозяев. Ни один из них не решился рискнуть головой, когда Роберт загнал ее в угол у маслодельни, повалил на землю и жестоко, со знанием дела надругался над ней. В последние годы, когда ее тонкая фигурка постепенно наливалась и приобрела женственные формы, не она одна замечала его совсем не братские взгляды, которые он бросал на нее. Ее многие предупреждали, что хозяйский сын рано или поздно не сможет сдержать свою похоть. Однако никто не оградил ее от этого унижения, никто не встал на ее защиту. А когда она рассказала миссис Ройлз о том, что совершил ее сын, та заявила, что Кэтрин сама виновата в случившемся.

— Я даже слезинки не пророню, если от этих ударов у тебя теперь мозги набекрень, — пробормотала она, тяжело дыша